

О.Ю. МАЛИНОВА*

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ
ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Аннотация. В статье представлен методологический анализ исследований идеологии в рамках политической психологии как одной из субдисциплин, активно работающей с данным явлением эмпирически. Принятая в политико-психологической литературе интерпретация идеологии как набора взаимосвязанных убеждений и установок, организующих взгляды индивидов по политическим и социальным вопросам, отсекает многие компоненты понятия идеологии, которым придается важное значение в смежных дисциплинах – коллективный характер разделяемых убеждений, их связь с социальным положением группы, мировоззренческие и ценностные основания идеологии, ее значение для установления и поддержания отношений господства и т.п. Это позволяет сосредоточиться на том, что можно наблюдать эмпирически – на степени логической связанности политических установок индивидов, последовательно проверяя и уточняя предположения относительно эмпирических закономерностей. В статье рассматриваются дискуссии о методологии измерения идеологических различий, о валидности лево-правой шкалы и о проблеме «идеологической невинности» массовой части электората. Представлен обзор основных результатов зарубежных исследований психологических оснований политической идеологии. Обсуждается, каким образом политико-психологические исследования идеологии подкрепляют или проблематизируют подходы, развиваемые в других областях политической науки.

Ключевые слова: политическая психология; политическая идеология; лево-правый идеологический спектр; проблема «идеологической невинности» масс; теория избирательного тяготения; теория двух эволюционных оснований политической идеологии.

* **Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: omalinova@mail.ru

Для цитирования: Малинова О.Ю. Политическая идеология как предмет политико-психологических исследований: аналитический обзор // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 40–64. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.02>

Идеология – одно из самых трудных понятий в арсенале социальных исследований. Термин, придуманный Антуаном Дестютом де Траси в качестве названия будущей «точной» науки об идеях, вскоре стал полемическим, что позволило Карлу Марксу переосмыслить идеологию как «ложное сознание», представляющее классовые интересы в иллюзорной форме [Larrain, 1979; Thompson, 1990, ch. 1; Малинова, 2023]. Таким образом, данное понятие приобрело критическую окраску, что не могло не повлиять на его использование. Умножению принципиально не совпадающих дефиниций способствует и то, что данный концепт разрабатывается в столь разных предметных полях, как эпистемология, социология знания, история политических учений, политическая теория, исследования медиакоммуникаций и др. Некогда британский социолог Малькольм Б. Гамильтон выявил на основе анализа литературы 27 элементов, в тех или иных комбинациях включаемых в его определения [Hamilton, 1987]. Неудивительно, что, как писал Джиованни Сартори, «для политолога термин “идеология” обозначает концепт-кластер, т.е. относится к понятиям, которые охватывают разнородное множество сложных явлений, которые мы пытаемся обобщить» [Sartori, 1969, p. 398]. Тем не менее, несмотря на очевидные сложности с концептуализацией, понятие идеологии широко используется в политических исследованиях не только как категория высокого уровня абстракции, но и в качестве инструмента эмпирического анализа.

Политическая психология – одна из субдисциплин, активно работающих с понятием идеологии эмпирически. Наличие относительного консенсуса в отношении его интерпретации позволяет развивать исследования, последовательно проверяющие и уточняющие предположения относительно эмпирических закономерностей. Политико-психологические исследования идеологии отличаются особым фокусом: они сосредоточены не на содержании «измов», а на том, как идеологии функционируют на массовом уровне. Подходы политических психологов к изучению идеологии имеют выраженную специфику по сравнению со смежными предметными полями – в частности, с исследованиями публичных дискурсов, политических партий и массовых коммуникаций, для

которых результаты, накопленные политическими психологами, могли бы представлять интерес. К сожалению, между этими полями мало пересечений: в литературе по политической психологии редко можно обнаружить ссылки на наработки исследователей, изучающих идеологию со стороны ее «производства», а последнее, в свою очередь, не слишком следят за результатами ее изучения со стороны «потребления». В целях наведения мостов в настоящей статье мы попытаемся показать, каким образом политико-психологические исследования идеологии подкрепляют или проблематизируют подходы, развиваемые в других областях политической науки.

Задача концептуализации и операционализации

Интерпретация идеологии в большинстве зарубежных политико-психологических исследований восходит к статье Филиппа Э. Конверса, опубликованной в 1964 г. в программном сборнике «Идеология и недовольство» под редакцией Дэвида Э. Аптера¹. Перегруженный смыслами концепт идеологии Конверс предложил заменить понятием *систем убеждений* (belief systems), которое определил как «конфигурацию идей и установок (attitudes), элементы которой связаны той или иной формой ограничений или функциональной зависимости» [Converse, 1964, p. 207]. Кстати, именно в этом контексте он сформулировал парадокс, который политологи вспоминают, сетуя на трудности изучения своего предмета: системы убеждений – хороший пример того, как «то, что важно изучать, нельзя измерить, а то, что можно измерить – не столь важно изучать» [ibid., p. 206]. Концептуализация, предложенная Конверсом, отсекает многие компоненты понятия идеологии, которым придается важное значение в другой литературе – коллективный характер разделяемых убеждений, их связь с социальным положением группы, мировоззренческие и ценностные основания идеологии, ее значение для установления и поддержания отношений господства и т.п. Это позволяет сосредоточиться на том, что можно эмпирически наблюдать – на степени согласованности конфигурации политических установок индивидов.

¹ О роли этого сборника в развитии известной дискуссии о «конце идеологии» см.: [Малинова, 2003].

Но вместе с тем это существенно обедняет «концепт-кластер», что, как мы увидим, иногда создает ложные проблемы.

При этом современные исследователи, в отличие от Конверса, предпочитают говорить не о системах убеждений, а о политической идеологии, причем чаще в единственном числе, определяя ее как «набор стабильных взаимосвязанных убеждений и установок, которые организуют взгляды по политическим и социальным вопросам» [Claessens, Sibley, Atkinson, 2022, p. 24]. Таким образом, определяющим признаком оказывается взаимосвязанность идей-элементов, т.е. наличие того, что Конверс назвал идеологическими ограничениями (*ideological constraints*) [Converse, 1964, p. 207]. Он специально подчеркивал, что речь не идет о сугубо логической последовательности: источники идеологических ограничений «имеют характер скорее психологический, нежели логический, и скорее социальный, нежели психологический» [Converse, 1964, p. 207, 209]. На операциональном уровне идеологические ограничения имеют вид предположения: если индивид выражает убеждение А, он, вероятно, будет занимать позицию В по вопросу Х текущей политики. Индикаторами понимаемой таким образом идеологии могут выступать: 1) самоидентификация с помощью идеологических категорий, 2) согласованность политических установок респондента, 3) их стабильность, 4) предсказательная сила этих элементов [Kalmoe, 2020, p. 772]. Подобный подход позволяет изучать идеологические установки на массовом уровне количественными методами и выявлять их связи с другими переменными.

Как измерить различия политических предпочтений?

Поскольку такая интерпретация идеологии не предполагает непосредственной связи с исторически развивающимися системами идей («измами»), для различения взаимосвязанных идей и установок, обнаруживаемых в головах индивидов, требуется иной аналитический инструмент. В качестве такового используются шкалы, полюса которых отражают противоположные идеал-типические конфигурации политических предпочтений. Чаще всего оперируют лево-правым измерением, которое в контексте США определяется как либерально-консервативное. Предполагается, что левые / либералы ценят социальные изменения и равенство, а правые / консерваторы – традиционную мораль и иерархию [Claessens, Sibley, Atkinson, 2022; Goren, Motta, Smith, 2020; Caprara 2020].

Понятия *левые* и *правые* – социальные конструкты, история которых, как известно, восходит к событиям Французской революции [краткий исторический очерк см.: Bienfait, van Beek, 2014; Атнашев, 2022]. Считается, что они оказались удобными эвристическими инструментами для навигации в мире политики (по крайней мере в некоторых западных демократиях), поскольку закрепляют, упрощают и ориентируют политические суждения граждан, отвечая их потребностям в принадлежности и самовыражении. Некоторые исследователи полагают, что в мире, открытом глобальным влияниям и вызовам, эти категории приобретают эвристическую ценность и для ориентации в мировой политике [Farneti, 2012]. Благодаря пространственной коннотации понятия *левого* и *правого* задают вполне четкую структуру, оставаясь при этом в значительной мере «пустыми сосудами», содержание которых может меняться по контексту. По оценке Джана В. Капрары, конструкты левого и правого «позволяют людям суммировать свои мнения и занимать позиции по целому спектру социальных и экономических вопросов, оставляя им значительную степень свободы в организации своих знаний и интерпретации своих убеждений в соответствии с собственным опытом и личными особенностями» [Caprara, 2020, p. 157]. Но оборотной стороной этого преимущества является то, что люди, использующие данные понятия, могут вкладывать в них разное содержание. Этот феномен описывается понятием *символическая идеология*; оно учитывает, что идеологические категории могут использоваться как символы, по принципу ассоциативной связи [Goren, Motta, Smith, 2020; Caprara, 2020]. Данное обстоятельство имеет значение, поскольку самоидентификация в идеологических категориях левый – правый / либерал – консерватор часто выступает в качестве одной из переменных. Исследования показывают, что хотя примерно три четверти американцев готовы определять свою идеологическую идентичность в терминах либерал / консерватор, лишь около 20–30% демонстрируют идеологически последовательные политические убеждения [Kalmoe, 2020], т.е. разделяют соответствующие установки не только на символическом, но и на *операциональном* уровне.

Таким образом, продуктивность использования идеологической самоидентификации (self-reported political ideology) в качестве переменной вызывает споры. Недавнее квазиэкспериментальное исследование с национальной выборкой показало, что понимание терминов «либерал» и «консерватор» у большинства американцев отличается от конвенциональных академических определений.

При этом в ответах респондентов, которым в рамках эксперимента досталась формулировка вопроса, включавшая определения этих идеологических установок без соответствующих ярлыков, обнаружился примечательный сдвиг: демократы оказались более консервативными, а республиканцы – более либеральными, чем это предполагали их партийные самоидентификации. Эти результаты подтверждают, что самоидентификация дает информацию о символической, но не об операциональной идеологии респондентов [Yeung, Quek, 2025].

Некоторые исследователи предлагают выйти за рамки традиционного деления на левых и правых / либералов и консерваторов, разбив одно измерение на два – экономическое и культурное [Гулевич, 2020, с. 21]. Первое измерение часто называют *экономическим консерватизмом* или *ориентацией на социальное доминирование* (social dominance orientation – SDO). Оно фиксирует предпочтение иерархии или равенства, организуя взгляды по таким вопросам, как налоги, система социального обеспечения, здравоохранение и образование. Второе измерение именуют *социальным консерватизмом* или *правым авторитаризмом* (right-wing authoritarianism – RWA). Оно отражает предпочтение социального контроля или индивидуальной автономии и организует позиции по вопросам уголовного правоприменения, аборт, однополых браков и т.п. Измерение по двум шкалам лучше соответствует результатам факторных аналитических моделей и имеет большую внутреннюю согласованность и внешнюю валидность [Claessens, Sibley, Atkinson, 2022, p. 25]. Если экономическое измерение и в Западной Европе, и в США фиксирует позиции в отношении рыночных принципов регулирования или государственного вмешательства, то повестка культурного измерения имеет особенности: в США она отражает конфликт между традиционной религиозностью и секуляризмом, а в Европе – установки за или против евроинтеграции и по вопросам ограничения миграции [Feldman, Johnston, 2014; Van Der Brug, Van Spanje, 2009]. Наличие двух шкал позволяет ставить вопрос об идеологических типах, возникающих на их пересечении. Некоторые исследователи, анализируя вторичные данные опросов, действительно обнаруживают зоны конвергенции, но по-разному их выделяют и называют [Swedlow, 2008; Carmines, Ensley, Wagner, 2012].

Определение различий политических предпочтений с помощью одной или нескольких шкал сопряжено с вопросом о том, в какой мере их можно считать универсальными, а значит – в какой

мере результаты, полученные на конкретных данных, поддаются обобщению. Хотя в американском контексте отождествление лево-правого измерения с либерально-консервативным является общепринятым, некоторые исследователи справедливо подчеркивают, что история, причины и элементы либерально-консервативного водораздела в США на самом деле имеют существенную специфику [Swedlow, 2008; Caprara, 2020]. Здесь либеральные активисты были главными защитниками гражданских прав и политики, направленной на социальную справедливость и включение меньшинств. Консерваторы, напротив, были главными поборниками индивидуальной свободы, минимального вмешательства государства, семейных ценностей и патриотизма. Традиционно споры между либералами и консерваторами в США велись о свободе и власти правительства. Споры же между левыми и правыми в Европе касались равенства и стремления к справедливому обществу.

Распространение политической терминологии, использующей различие левого и правого, за пределы Западной Европы, где она сформировалась, позволяет предполагать, что ее основания могут быть связаны не только с политической культурой. Так, Фритца Бьенфейт и Вальтер ван Бик, опираясь на работы антропологов, связывают сходство дуальных категорий у народов в разных частях мира с телесной организацией человека. То, что категории, ассоциирующиеся с силой и мужским началом (власть, порядок, традиция и т.п.) часто помещаются справа, возможно обусловлено тем, что большинство людей – правши. Согласно теории нидерландских исследователей, бинарная оппозиция левого и правого, опирающаяся на социально опосредованные телесные практики, является интуитивно понятным когнитивным инструментом для упрощения сложных ситуаций. В этом смысле рождение лево-правой дихотомии в ходе дебатов в Зале для игры в мяч в 1789 г. не было исторической случайностью: в ситуации неопределенности депутаты Генеральных штатов прибегли к принципу классификации, который был подсказан культурно закрепленной «логикой» их собственных тел [Bienfait, van Beek, 2014].

Исследователи, изучающие идеологию как психологический феномен, нередко обобщают свои наблюдения без поправок на политико-культурные различия, поскольку факторы, которые они рассматривают в качестве предикторов левых и правых предпочтений – личностные характеристики, базовые ценности, наследственность и т.п. – напрямую не зависят от политического контекста. Однако есть и критики такого подхода, которые справедливо

утверждают, что валидность категорий левого и правого / либерального и консервативного нельзя оценивать исключительно по психометрическим критериям. Они функционируют на основе символического порядка, в рамках которого исторически сформировались соответствующие ассоциативные связи, и валидны там, где существует такой порядок [Carraja, Vecchione, 2018].

Это ставит вопрос о том, в какой мере лево-правое измерение является полезным для характеристики политических предпочтений в контексте, где отсутствует устойчивая и непрерывная традиция употребления соответствующих понятий в общественном дискурсе, как это имеет место, например, в России [Жигадло, 2023]. Исследование на китайском материале [Beattie, Chen, Bettache, 2022], к которому мы вернемся позже, показывает, что хотя реконцептуализация по контексту позволяет оперировать лево-правым измерением, это не отменяет проблем при интерпретации результатов.

Проблема «идеологической невинности» масс

Статья Конверса о природе систем убеждений на массовом уровне до сих пор вдохновляет значительную часть политико-психологических исследований идеологии в США. Результаты его исследования заставили усомниться в том, что идеология выполняет ту функцию, которую ей приписывают теоретики, – действительно служит элитам «рычагом» для политической мобилизации и манипуляции массами [ср. Sartori, 1969, p. 411]. Изучая распределение систематически связанных идей и установок внутри страты, верхнюю часть которой образуют партийные лидеры и функционеры, а нижнюю – рядовые избиратели, Конверс обнаружил отсутствие внятной идеологической дифференциации на массовом уровне. По мере продвижения от элитарной части группы, декларирующей приверженность определенной политической партии, к рядовым избирателям степень согласованности убеждений снижалась, и поддержка абстрактных принципов падала. Это заставляет предположить, что «измы», которыми обычно оперирует «искусшенный наблюдатель», не подходят для адекватного описания стратификации идеологических представлений в американском обществе. По мысли Конверса, таковую можно представить в виде беспорядочной кучи пирамид: хотя на уровне элит имеет место существенная дифференциация, на уровне масс «основания

настолько смыкаются друг с другом, что невозможно определить, где заканчивается одна пирамида и начинается другая» [Converse, 1964, p. 256]. Исследование Конверса вошло в историю американской политической науки как доказательство «идеологической невинности (innocence)» массовой части общества (mass public).

Чтобы понять, почему тезис об «идеологической невинности» оказался таким неожиданным и важным, нужно учесть, что в политической системе США лояльность одной из двух основных партий является важным предиктором электоральных исходов, и вспомнить, что в исследовании Конверса идеология измерялась степенью согласованности политических идей и установок. Наличие у индивидов систематически связанных убеждений считается важным для функционирования демократии: это представляется залогом того, что граждане будут давать политической системе достаточно ясные сигналы, на основе которых будет выстраиваться отвечающий их предпочтениям политический курс [Carmines, D'Amico, 2015, p. 206; Groenendyk, Kimbrough, Pickup, 2023, p. 623]. «Идеологически невинные» граждане не могут эффективно вникать в предвыборные дебаты и в обсуждение политических решений в межвыборный период [Goren, Motta, Smith, 2020, p. 75]. Иными словами, «идеологическая невинность» на массовом уровне представляется проблемой потому, что согласованность политических установок рассматривается в качестве индикатора политической компетентности избирателей.

Стоит заметить, что с точки зрения других подходов к изучению идеологии такая постановка вопроса не самоочевидна. Во-первых, есть марксистская традиция, в логике которой согласованность политических установок не может быть самостоятельной переменной, поскольку рассматривается как отражение социально-классовой принадлежности и «базисных» материальных интересов, которые, в свою очередь опосредуются манипуляциями с идеологической «надстройкой». Во-вторых, в исследованиях идеологий со стороны их «производства» согласованность рассматривается в качестве важного, но не определяющего параметра: по общему убеждению, очевидная тенденция к дезинтеграции «больших измов», их фрагментации и умножению мини-идеологий, сосредоточенных на конкретных повестках, не означает «конца идеологии» [Freeden, 2000]. Таким образом, и на уровне элитарного дискурса степень внутренней согласованности современных политических идеологий не идеальна. Проблематизация «идеологической невинности» концептуально обусловлена специфической интерпретацией идео-

логии, делающей упор на взаимосвязанность идей-элементов и отсекающей многие компоненты «концепта-кластера», важные для других его определений.

Так или иначе, на протяжении шести десятилетий американские политические психологи продолжают возвращаться к этой проблеме, пытаясь опровергнуть, пересмотреть или уточнить на новых данных результаты, полученные Конверсом. Современные дискуссии касаются, с одной стороны, оценки степени идеологической искушенности американского общества, а с другой – вопроса о последствиях таковой для функционирования демократии.

Идея о том, что идеологическое мышление в действительности присуще многим рядовым американцам, просто оно не оформлено в логике либерально-консервативной дихотомии, присущей дискурсу элит, высказывается достаточно давно. За два года до публикации сборника «Идеология и недовольство» со статьей Конверса увидела свет книга Роберта Лейна «Политическая идеология: Почему простые американцы верят так как они верят» [Lane, 1962]. Анализируя интервью, собранные в одном из рабочих районов, Лейн обнаружил, что хотя в убеждениях многих респондентов отсутствуют ограничения, продиктованные логикой либерально-консервативной дихотомии, их комбинации выглядят вполне последовательными с точки зрения представлений этих респондентов о себе и обществе. Таким образом, недооценка согласованности убеждений на массовом уровне может быть обусловлена способом измерения: исследователь не должен исходить из собственного понимания структуры убеждений. Проблема в том, что эту рекомендацию сложно реализовать в количественном дизайне, которому отдается предпочтение в политико-психологических исследованиях идеологии в США.

Некоторые исследователи ищут выход в использовании множественных шкал: кажущееся отсутствие последовательности в политических установках в действительности может означать, например, что индивид придерживается либеральных позиций по экономическому измерению и консервативных по социально-культурному. Эдвард Дж. Карминес и его коллеги, анализируя данные опросов, выделили пять идеологических групп на основе вариации по двум измерениям: помимо *либералов* и *консерваторов*, имеющих зеркально противоположные позиции, они обнаружили *либертарианцев*, соединяющих экономический консерватизм с либеральными взглядами на социально-культурные проблемы, *популистов*, демонстрирующих комбинацию либеральных позиций

по вопросам экономики и консервативных по вопросам морали и культуры, и умеренных, не придерживающихся крайних оценок ни по одному из измерений [Carmines, Ensley, Wagner, 2012]. Преимущества такого подхода Карминес и его коллеги продемонстрировали на примере движения «чайной партии», убеждения которых оказываются вполне последовательными, если располагать их не по одному, а по двум измерениям [Carmines, D'Amico, 2015].

В поисках теоретического обоснования разделения либерально-консервативного измерения на две шкалы многие политические психологи обращаются к теории базовых ценностей Шалом Шварца [Schwartz, 1992; Schwartz, 1994; Уточненная теория..., 2012]. В рамках данной теории ценности понимаются как когнитивные репрезентации целей, которые формируют установки и поведение в разных контекстах. Шварц выделил 10 универсальных ценностей, которые мотивируют и направляют поведение людей. Эти ценности взаимосвязаны и могут быть расположены на двумерной структуре, представляющей различные типы мотивационных целей. Исследования, опирающиеся на эту теорию, доказывают, что установки по измерениям экономического и социального консерватизма сформированы разными ценностными мотивациями [Feldman, Johnston, 2014; Goren, Motta, Smith, 2020]. Таким образом, убеждения респондентов, сочетающих либеральные и консервативные установки, но по разным измерениям, не так непоследовательны, как может показаться.

В подобных исследованиях ценности выступают в качестве предикторов политической идеологии, что с точки зрения интерпретаций, привычных для многих политологов, кажется странным, ведь ценности принято рассматривать в качестве основного структурного элемента политических идеологий [Селезнева, 2017] и «смысловой доминанты, определяющей идеологические приоритеты» [Селезнева, 2019, с. 178]. Однако в зарубежных политико-психологических исследованиях, о которых идет речь, данные понятия используются в специфических значениях: под политической идеологией понимаются различия политических убеждений, фиксируемые по одному или двум измерениям, а под базовыми ценностями – мотивационные цели, которые выявляются с помощью стандартизированных опросников, разработанных для широкого спектра психологических исследований.

Некоторые исследователи ищут объяснение символической идеологии, точнее, ассоциативной логики, посредством которой индивиды идентифицируют себя с помощью понятий левый /

либеральный – правый / консервативный, в групповом конформизме. Эрик Грониндайк и его коллеги предложили теорию, согласно которой идеологические ограничения следует рассматривать как продукт конформизма к воспринимаемым групповым нормам. По их мысли, «идеология – не просто руководство про “что с чем идет” в политике, но аргумент о том, что с чем *должно* идти для тех, кто разделяет идентичность... Эти нормы – то, что определяет (и подкрепляет) границы между “нами” и “ими” и иногда ревностно навязывается членами группы» [Groenendyk, Kimbrough, Pickup, 2023, p. 624–625]. Эта интерпретация имеет много общего с концептуализацией Т.А. ван Дейка, в рамках которой идеология определяется как фундаментальные убеждения группы и ее членов [Van Dijk, 1998]. Но, как уже отмечалось, разные сегменты данного предметного поля не слишком между собой связаны, и политические психологи редко опираются на работы исследователей дискурса. Используя квазиэкспериментальный дизайн, Грониндайк и его коллеги разделили вопросы, тестирующие нормативные представления респондентов об установках идеологической группы, с которой они себя идентифицировали, и вопросы об их собственных предпочтениях и манипулировали последовательностью вопросов. Это позволило доказать, что значительная часть индивидов, которых традиционно относят к «идеологически невинным», в действительности знают, какие убеждения по различным вопросам повестки *должны* быть у идеологической группы, к которым они себя относят, но выражая личные предпочтения, выбирают иные ответы. Таким образом, они не «невинны», но прагматичны. По мнению Грониндайка и его коллег, это свидетельствует о том, что «идеологическое ограничение по крайней мере частично мотивировано стремлением к групповому конформизму, а не рассуждениями о принципах» [Groenendyk, Kimbrough, Pickup, 2023, p. 635]. Этот результат эмпирически подтверждает то, что во многих теориях идеологии выступает в качестве презумпции. Вместе с тем он побуждает скорректировать предположение о последствиях «идеологической невинности» для демократии: если исходить из того, что нормативные представления о том, «что с чем идет» для левых / либералов и правых / консерваторов, формируются элитами и являются инструментом манипуляции массами, то «низкий уровень идеологического ограничения – в конце концов может быть не такая плохая вещь» [ibid.]. Если индивиды, готовые идентифицировать себя в идеологических категориях и при этом осведомленные о связанных с ними установках, выражают не согласующиеся с этими

установками предпочтения, возможно, они более компетентны, чем принято полагать.

Еще один подход к решению проблемы «идеологической невинности» связан с поиском промежуточных переменных, опосредующих согласованность убеждений. Некоторые исследователи в качестве таковых рассматривают политическую осведомленность [Kalmoe, 2020] или когнитивную и мотивационную включенность в общественные дела [Goren, Motta, Smith, 2020]. Эта литература показывает, что политическая искушенность (political sophistication), измеряемая осведомленностью (political knowledge) и интересом, усиливает связь между идеологическими ориентациями, позициями по актуальным вопросам и электоральным выбором [Carmines, D'Amico, 2015, p. 209]. Кроме того, политическая искушенность значимо опосредует связь между базовыми ценностями и символической идеологией: слабо вовлеченные в политику респонденты менее последовательно опираются на аффективные predispositions, связанные с ценностной мотивацией [Goren, Motta, Smith, 2020, p. 90]. Исследования о влиянии политической искушенности на системность политических убеждений на массовом уровне позволяют сделать два вывода. Во-первых, исследования, построенные на общей выборке, возможно недооценивают влияние идеологии, поскольку оно распределено неравномерно и зависит от информированности и вовлеченности, которые подвержены флуктуациям [Kalmoe, 2020, p. 789]. Во-вторых, можно предположить, что рост политической поляризации на элитном уровне, наблюдаемый в США в последние десятилетия, будет способствовать увеличению идеологической согласованности на массовом уровне за счет увеличения доли мобилизованного и политически активного электората.

Одно из направлений критики тезиса об «идеологической невинности» американского общества как раз заключалось в том, что Конверс оперировал данными 1950-х, когда позиции демократов и республиканцев по многим вопросам не были непримиримыми. Уже в 1970-х исследования обнаруживали большую идеологическую последовательность в установках американских избирателей [Carmines, D'Amico, 2015, p. 208]. Сравнив данные общенациональных опросов и опросов делегатов партийных конгрессов в 1980–2000-х годах, Кейтлин Джевитт и Пол Горен обнаружили, что в 1992 г. наиболее политически активные граждане в значительной степени догоняли политическую элиту с точки зрения идеологической согласованности и структуры своих установок, а

еще через десять лет, с усилением политической поляризации и появления новых средств массовой коммуникации, эти показатели сравнивались [Jewitt, Goren, 2016]. Иными словами, нарастание противоречий между демократами и республиканцами в США способствует увеличению доли идеологически искушенного электората.

Подводя итог, можно констатировать, что исследование Конверса оказалось вызовом, отвечая на который американские политические психологи проделали большую эмпирическую работу, попутно поставив и решив множество методологических проблем.

Психологические основания политической идеологии

Поскольку политическую психологию иногда определяют как «приложение того, что известно о человеческой психологии, к исследованию политики» [Huddy et al., 2023, p. 1], неудивительно, что едва ли не основным направлением политико-психологических исследований идеологии является поиск психологических оснований наблюдаемых идеологических различий. Это принципиально отличается от подходов в других сегментах данного предметного поля: социологи и политологи, изучающие историю идей, политические партии, протестные движения, публичные дискурсы и массовую коммуникацию, склонны видеть корни идеологии в социальных структурах общества – в отношениях неравенства, власти и господства. Нельзя сказать, что политические психологи игнорируют эти социальные аспекты. Однако, стремясь объяснить идеологические различия на массовом уровне, они фокусируются на психологических особенностях и потребностях индивидов, способствующих формированию тех или иных политических установок.

В России такие исследования тоже проводились, в частности в 2006–2007 гг. на кафедре политической психологии МГУ им. М.В.Ломоносова [Блинов, 2008], но не получили дальнейшего развития. Вместе с тем их результаты могли бы быть полезны при обсуждении вопроса о том, «какая идеология нужна России», которому в отечественной литературе уделяется много внимания. При этом, следуя концептуализациям идеологии, принятым в отечественном обществоведении, российские политические психологи рассматривают массовые идеологические установки как отражение «измов», производимых элитами. Поэтому, признавая влияние индивидуальных психологических факторов на политические ориентации и установки [Шестопал, 2022; Гулевич, 2021],

отечественная научная школа основной упор делает на изучение массового восприятия идеологий, циркулирующих в публичном пространстве [Блинов, 2007; Аль-Дайни, 2009; Черданцева, 2015; Трущева, 2017].

Считается, что постановка вопроса о связи между психологическими чертами личности и определенными идеологическими убеждениями восходит к «Авторитарной личности» Т. Адорно и его коллег [Adorno et al., 1950]. Исследования в этом направлении проводятся на протяжении десятилетий, и нет недостатка в обзорах, обобщающих их результаты [Kteily, Brandt, 2025; Bakker, 2023; Zmigrod, 2022; Гулевич, 2021]. Психологические профили индивидов, идентифицирующих себя или идентифицируемых исследователями в качестве левых / либералов и правых / консерваторов, изучаются на предмет диспозиций (ценностей, личностных черт, когнитивной ригидности, чувствительности к угрозам, авторитарности), особенностей восприятия информации, установок в межличностных отношениях (склонность к эмпатии, предубеждению, стереотипизации, насилию) и др. Подводя промежуточный итог десятилетий исследований, авторы свежего обзора констатируют неоднозначность выявленных закономерностей: хотя у левых и правых есть выраженная асимметрия почти по всем изученным параметрам, есть и очевидное сходство. Таким образом, «идеологическая симметрия и асимметрия сосуществуют» [Kteily, Brandt, 2025, p. 519]. А значит, хотя изученные индивидуальные психологические характеристики и объясняют существенную часть идеологических выборов, есть также «что-то другое», для чего нужны иные объяснения.

Нет недостатка и в теориях, обосновывающих связи между идеологическими установками индивидов и другими психологическими характеристиками. Одна из наиболее популярных – *теория избирательного тяготения* (elective affinity) была предложена в начале 2000-х годов американским психологом Джоном Т. Джостом и его коллегами. Метафорическое название, навеянное романом И.В. фон Гёте, выражает основную идею этой теории: между структурой и содержанием систем убеждений, с одной стороны, и потребностями и мотивами индивидов и групп, принимающих эти идеи, – с другой, существует взаимное тяготение. Иными словами, выбор тех или иных идеологических убеждений – результат комбинации социализации, в процессе которой человек подвергается воздействию определенных идей, и его психологических предрасположенностей [Jost et al., 2003]. В то время как элиты – политики,

занимающие выборные должности, партийные функционеры, журналисты – влияют на дискурсивную надстройку идеологии, ее функциональный базис определяется набором социальных и психологических потребностей, целей и мотивов простых граждан. В структуре последних Джост и его коллеги выделяют три типа мотивации: эпистемическую (определяется потребностями в знании, оценке и когнитивной определенности), экзистенциальную (определяется страхом смерти, способностью справляться с угрозами и эмоциональным недовольством) и реляционную (определяется политической социализацией, социальной идентификацией и потребностью в разделяемой реальности) [Jost, Federico, Napier, 2009, p. 319]. Эта теория дает полезную рамку для многочисленных исследований о психологических основаниях идеологических различий.

В большинстве таких исследований идеологические различия измеряются с помощью лево-правой шкалы, достоинства и недостатки которой мы обсуждали выше. Понимаемая таким образом «дискурсивная надстройка» имеет очевидную культурно-историческую специфику. В какой мере связи между психологическими особенностями «левых» и «правых», выявляемые в западных демократиях, универсальны? Этот вопрос мотивировал исследование Питера Битти и его коллег, проведенное в Китайской Народной Республике, где идеологический спектр фундаментально отличается от западного. Если ориентироваться на идеологическое позиционирование по отношению к статус-кво [Baradat, 1979, ch. 1; Атнашев, 2022], то китайские либералы оказываются правыми, а консерваторы – левыми. При этом китайские либералы-правые соединяют социальные убеждения, которые на Западе были бы либеральными / левыми, с экономическими убеждениями, которые там были бы консервативными / правыми, а китайские консерваторы-левые – соответственно, наоборот [Beattie, Chen, Bettache, 2022, p. 462]. Исследование проводилось путем онлайн-опроса городского населения материкового Китая по национальной репрезентативной выборке. Оно не дало зеркальных результатов по принципу китайские левые – это (психологические) правые, но показало интересные корреляции. В частности, китайские левые, чьи идеологические предшественники сто лет назад выиграли гражданскую войну, по своим психологическим профилям оказались весьма схожи с правыми / консерваторами на Западе. Однако характерный для последних догматизм в Китае оказался сильнее у сторонников представительной демократии, а противоположная

характеристика – когнитивная рефлексия – у сторонников правления КПК и большего вмешательства государства в экономику. По мнению авторов исследования, этот неожиданный результат может объясняться тем, что связи между психологическими потребностями и политическими приверженностями опосредуются тем, как респонденты интерпретируют предложенные концепты, соотнося их с ожиданиями от текущей политики [Beattie, Chen, Bettache, 2022, p. 474]. Иными словами, хотя при реконцептуализации лево-правого измерения по контексту избирательное тяготение между психологическими потребностями и политическими установками в целом подтверждается, возникают несоответствия, которые можно объяснить только на основе знания о том, как реинтерпретированные идеологические категории соотносятся с актуальной «дискурсивной надстройкой».

Некоторые исследователи, предпочитающие работать с двумя измерениями вместо одного, опираются на *теорию двух эволюционных оснований политической идеологии* (dual evolutionary foundations of political ideology), предложенную новозеландским психологом Скоттом Классенсом и его коллегами [Claessens et al., 2020; Claessens, Sibley, Atkinson, 2022]. Согласно этой теории, два измерения идеологических различий, наличие которых не раз подтверждалось эмпирически (в частности – факторным анализом на разных данных), является результатом конфликтов (tensions), присутствующих в жизни в группах. Основные типы таких конфликтов формировались на протяжении истории человеческого вида. Обобщая результаты эволюционных исследований, Классенс и его коллеги выделяют два ключевых шага, на которых возникли разнонаправленные стремления, определяющих конфликты, лежащие в основе современных идеологических различий – стремление к кооперации и к групповому конформизму. Первый шаг, по их предположению, был связан с охотой на крупных животных, требовавшей согласованных действий, второй – с увеличением размеров группы, соперничеством с другими группами и экологическим давлением, стимулировавшими развитие навыков адаптации. И кооперация, и конформистское поведение в группе требуют компромиссов, которые, как утверждает теория, в процессе эволюционного отбора формирует наследуемые индивидуальные различия, а также психологические механизмы, позволяющие задействовать те или иные способности в зависимости от внешних условий. Ориентация на социальное доминирование (SDO) отражает компромисс между кооперацией ради общего блага и личным интересом / конкуренцией.

Правый авторитаризм (RWA) отражает компромисс между групповым конформизмом, обусловленным воспринимаемой угрозой, и потребностью в социальном контроле, с одной стороны, и индивидуальной автономией и непредвзятостью (*open-mindedness*) – с другой. Согласно теории, стратегические реакции на эти вызовы жизни в группе лежат в основе современных вариаций политических установок, ценностей и предпочтений. По мнению Классенса и его коллег, знание о природе эволюционных конфликтов помогает лучше понимать связи между психологическими характеристиками индивидов и их идеологическими установками.

Данная теория также широко используется в эмпирических исследованиях. Один из примеров – недавняя статья, объясняющая сопротивление ограничениям, введёвшимся во время пандемии COVID-19 [Fischer, Chaudhuri, Atkinson, 2023]. Теория двух эволюционных оснований политической идеологии хорошо объясняет негативную реакцию индивидов, считающих себя консерваторами, которая, казалось бы, противоречит тому, что было ранее известно о связи психологических диспозиций с идеологическими установками: выявлено, что индивиды, разделяющие консервативные установки, имеют высокий уровень чувствительности к угрозам и возбудителям болезней и склонны к конформизму. Исследование на британских данных показало, что с разделением лево-правой шкалы на два измерения это противоречие снимается: «социальные» консерваторы с высокими показателями по шкале правого авторитаризма (RWA) демонстрировали бóльший конформизм и чаще поддерживали локдауны, тогда как «экономические» консерваторы с более выраженной ориентацией на социальное доминирование (SDO) оказались менее склонны к эмпатии и кооперации и выступали против локдаунов.

Заключение

Рассматривая идеологические различия как фактор политического поведения на массовом уровне, политико-психологические исследования идеологии в значительной мере обособлены от предметных полей, изучающих данный феномен со стороны «производства». Политические психологи реализуют собственную исследовательскую повестку и развивают специфический понятийный аппарат. Предметом их внимания является не содержание «измов», а то, каким образом они функционируют, определяя

установки индивидов. Не случайно термин *политическая идеология* в этой литературе часто используется в единственном числе: он обозначает переменную, значения которой задаются эмпирически выявляемыми конфигурациями идей и установок. Об этой терминологической специфике стоит помнить исследователям, которые привыкли оперировать более насыщенными определениями, в логике которых идеологии возможны только во множественном числе. Зарубежные политико-психологические исследования стремятся объяснить идеологические различия в массовых представлениях, фокусируясь не столько на социальных или политических, сколько на психологических факторах.

Идеологические различия чаще всего описываются с помощью лево-правого измерения, которое в США интерпретируется как либерально-консервативное. В качестве интуитивно понятных инструментов для навигации в мире политики категории *левый* – *правый* удобны, поскольку гибко адаптируются к меняющемуся контексту. Однако их использование сопряжено с некоторыми проблемами. Во-первых, валидность идентификации и самоидентификации в терминах левый / либерал – правый / консерватор зависит от того, насколько они укоренены в конкретной политической культуре. Это создает трудности для тестирования психологических факторов идеологических различий: в то время как первые полагаются универсальными, описание вторых зависит от исторически складывающегося символического порядка. Во-вторых, многочисленные исследования показывают, что и в западных демократиях, где категории левый / либеральный – правый / консервативный конвенционально используются в элитных дискурсах, большинство рядовых граждан не вполне четко представляют себе их значение. Разделение лево-правого континуума на две независимые шкалы дает более точный инструмент для измерения идеологических различий, но в отличие от категорий *левый* – *правый* SDO (ориентация на социальное доминирование) и RWA (правый авторитаризм) – это сугубо аналитические конструкты, они не представлены в публичном дискурсе и редко используются для самоидентификации.

В зарубежных политико-психологических исследованиях идеология рассматривается как предиктор электорального поведения и изучается преимущественно количественными методами. Большая часть таких исследований проводится в США, чему в немалой степени способствует хорошо налаженная система опросов и доступность данных для вторичного анализа. К настоящему

времени накоплен значительный объем наблюдений, убедительно подтверждающих связи между идеологическими установками индивидов и их психологическими характеристиками (личностными чертами, базовыми ценностями, когнитивной ригидностью, чувствительностью к угрозам, склонностью к эмпатии, предубеждению, стереотипизации, насилию и др.). Хотя эти результаты не опровергают роли элит в производстве идеологических дискурсов, они дают веское эмпирическое подтверждение того, что возможности идеологической манипуляции определяются тем, в какой мере идеологам и изобретателям традиций удастся «вещать на той волне, которую публика готова ловить» [Hobsbawm, 1983, p. 263].

Несмотря на то что некоторые теории – в частности, теория избирательного тяготения – рассматривают идеологические убеждения как результат комбинации социализации сверху вниз и психологических предрасположенностей – снизу вверх [Jost, Federico, Napier, 2009, p. 308] и признают, что селекция идей происходит в рамках конкретной «информационной экологии» [Beattie, Chen, Bettache, 2022, p. 459], в целом политические психологи не уделяют достаточного внимания проблеме информационного воздействия. Как ни странно, изучая идеологические различия, они редко учитывают фактор медиапотребления, влияние которого авторитетно обосновано исследованиями медиакоммуникаций.

Хотя зарубежные политические психологи немало внимания уделяют связи между идеологическими установками и социализацией (в том числе – в формате лонгитюдных исследований), основным предметом их внимания является кристаллизация партийных идентификаций [Sears, Brown, 2023]. Идеологическое обучение / индоктринация в качестве фактора, формирующего идеологические убеждения, почти не рассматривается, что, по-видимому, обусловлено стереотипным представлением об отсутствии таких практик в демократических режимах, которые преимущественно изучаются. Было бы интересно сравнить степень согласованности убеждений «идеологически невинных» американцев и их советских современников, социализация которых, при сходном технологическом устройстве медиакоммуникаций, включала многоуровневую идеологическую подготовку. Но конечно, тогда такие исследования были невозможны.

Подводя итог, следует признать, что политико-психологические исследования идеологии фиксируют много важных эмпирических связей, которые если и не обладают достаточной внешней валидностью для переноса на другие контексты, то все же

подкрепляют или опровергают некоторые конвенциональные презумпции и могут служить источниками продуктивных гипотез. Они, несомненно, могут быть полезны исследователям, изучающим политические идеологии с других ракурсов. Но верно и обратное – политическим психологам стоило бы обращать больше внимания на то, что происходит в смежных исследовательских полях.

O.Yu. Malinova*

**Political ideology as a matter
of political psychological research: the analytical review**

Abstract. The article presents a methodological analysis of research of ideology within the framework of political psychology, as one of the subdisciplines that actively works with this phenomenon empirically. The interpretation of ideology as a set of interrelated beliefs and attitudes that organize individuals' views on political and social issues, that is more or less conventional in the political-psychological literature, cuts off many components of the concept of ideology that are considered crucially important in other political subdisciplines, like a collective nature of shared beliefs, their connection with the social position of the group, its significance for establishing and maintaining relations of domination, etc. It facilitates focusing on what can be observed empirically – the degree of consistency of individuals' political attitudes. The article analyzes the discussions about methodology of measuring ideological differences and validity of the left-right dimension in different contexts, about the problem of the “ideological innocence” of the mass public, and offers an overview of the main results of foreign studies of the psychological foundations of political ideology. It discusses how political psychological studies of ideology reinforce or problematize approaches developed in other areas of political science.

Keywords: political psychology; political ideology; left – right ideological dimension; the problem of “ideological innocence” of mass public; the theory of elective affinity; the theory of dual evolutionary foundations of political ideology.

For citation: Malinova O.Yu. Political ideology as a matter of political psychological research: the analytical review. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 40–64. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.02>

References

Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. *The authoritarian personality*. New York: Harper, 1950, 990 p.

* **Malinova Olga**, INION (Moscow, Russia), e-mail: omalinova@mail.ru

- Al-Daini M.A. Manipulative ideologies: methodological and political aspects of the problem. *Bulletin of Moscow state university. Series 12. Political science*. 2009, N 2, P. 110–116. (In Russ.)
- Atnashev T. After the progress. How to understand the left-right spectrum in the era of contingency. *Neprikosnennyi zapas*. 2022, N 2 (142), P. 69–107. (In Russ.)
- Bakker B.N. Personality approaches to political behavior. In: Huddy L., Sears D.O., Levy J.S., Jerit J. *The Oxford handbook of political psychology*. New York: Oxford university press, 2023, P. 21–64.
- Baradat L.P. *Political ideologies. Their origins and impact*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979, 308 p.
- Beattie P., Chen R., Bettache K. When left is right and right is left: The psychological correlates of political ideology in China. *Political psychology*. 2022, Vol. 43, N 3, P. 457–488. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12776>
- Bienfait F., van Beek W.E.A. Political left and right: our hands-on logic. *Journal of social and political psychology*. 2014, Vol. 2, N 1, P. 335–346. DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.v2i1.323>
- Blinov V.V. A political-psychological approach to the study of conservatism: justification and structure of analysis. *Bulletin of Moscow state university. Series 12. Political science*. 2007, N 1, P. 106–116. (In Russ.)
- Blinov V.V. Political psychological analysis of conservative values in contemporary Russia. *Polis. Political studies*. 2008, N 5, P. 153–159. (In Russ.)
- Caprara G.V. Distinctiveness, functions and psycho-historical foundations of left and right ideology. *Current opinion in behavioral sciences*. 2020, Vol. 34, N 1, P. 155–159.
- Caprara G.V., Vecchione M. On the left and right ideological divide: historical accounts and contemporary perspectives. *Advances in political psychology*. 2018, Vol. 39, Suppl. 1, P. 49–83. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12476>
- Cherdantseva A.M. Political values of modern political parties in Russia and Germany: a comparative analysis. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2015, 171 p. (In Russ.)
- Claessens S., Fischer K., Chaudhuri A., Sibley C.G., Atkinson Q.D. The dual evolutionary foundations of political ideology. *Nature human behaviour*. 2020, Vol. 4, N 2, P. 336–345.
- Claessens A.C., Sibley C.G., Atkinson Q.D. The evolutionary basis of political ideology. In: Osborn D., Sibley C.G. (eds). *The Cambridge handbook of political ideology*. Cambridge: Cambridge university press, 2022, P. 22–36.
- Converse P.E. The nature of belief systems in mass public. In: Apter D.E. (ed.). *Ideology and discontent*. Glencoe: Free Press; London: Collier – Macmillan, 1964, P. 206–261.
- Carmines E.G., Ensley M.J., Wagner M.W. Who fits the left-right divide? Partizan polarization in the American electorate. *American behavioral scientist*. 2012, Vol. 56, N 12, P. 1631–1653.
- Carmines E.G., D'Amico N.G. The new look in political ideology research. *Annual review of political science*. 2015, Vol. 18, P. 205–216.
- Farneti R. Cleavage lines in global politics: left and right, East and West, earth and heaven. *Journal of political ideologies*. 2012, Vol. 17, N 2, P. 127–145.
- Feldman S., Johnston C. Understanding the determinants of political ideology: implications of structural complexity. *Political psychology*. 2014, Vol. 35, N 3, P. 337–358. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12055>

- Fischer K., Chaudhuri A. Atkinson Q.D. Dual evolutionary foundations of political ideology predict divergent responses to COVID-19. *British journal of political science*. 2023, Vol. 53, N 3, P. 861–877. DOI: <https://doi.org/10.1017/S000712342200076X>
- Freeden M. Editorial: political ideology at century's end. *Journal of political ideologies*. 2000, Vol. 5, N 1, P. 5–15.
- Goren P., Motta M., Smith B. The ideational foundations of symbolic ideology. *Advances in political psychology*. 2020, Vol. 41, Suppl. 1, P. 75–94. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12683>
- Gulevich O.A. Psychological analysis of political orientations. Part I. Definition, methods and problems of study. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020, Vol. 41, N 5, P. 18–24. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920011076-9> (In Russ.)
- Gulevich O.A. Psychological analysis of political orientations. Part II. Predictors and consequences of political views. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021, Vol. 42, N 1, P. 46–55. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920012575-8> (In Russ.)
- Groenendyk E., Kimbrough E.O., Pickup M. How norms shape the nature of belief systems in mass publics. *American journal of political science*. 2023, Vol. 67, N 3, P. 623–638. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12717>
- Hamilton M.B. The elements of the concept of ideology. *Political studies*. 1987, Vol. 35, N 1, P. 18–38. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1987.tb00186.x>
- Hobsbawm E. Mass-producing traditions: Europe, 1870-1914. In: Hobsbawm E., Ranger T. (eds). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge university press, 1983, P. 263–307.
- Huddy L., Sears D.O., Levy J.S., Jerit J. Introduction. Theoretical foundations of political psychology. In: Huddy L., Sears D.O., Levy J.S., Jerit J. *The Oxford handbook of political psychology*. New York: Oxford university press, 2023, P. 1–17.
- Jewitt C.E., Goren P. Ideological structure and consistency in the age of polarization. *American politics research*. 2016, Vol. 44, N 1, P. 81–105. DOI: <https://doi.org/10.1177/1532673X15574864>
- Jost J.T., Glaser J., Sulloway F.J. Political conservatism as motivated social cognition. *Psychological bulletin*. 2003, Vol. 129, N 3, P. 339–375.
- Jost J.T., Federico C.M., Napier J.L. Political ideology: its structure, functions, and elective affinities. *Annual review of psychology*. 2009, Vol. 60, P. 307–37. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163600>
- Kalmoe N.P. Uses and abuses of ideology in political psychology. *Political psychology*. 2020, Vol. 41, N 4, P. 771–793. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12650>
- Kteily N.S., Brandt M.J. Ideology: psychological similarities and differences across the ideological spectrum reexamined. *Annual review of psychology*. 2025, Vol. 76, P. 501–529. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-020124-11525>
- Lane R. *Political ideology: why the American common man believes what he does*. Glencoe: Free press of Glencoe, 1962, 509 p.
- Larrain G. *The concept of ideology*. London: Hutchinson, 1979, 256 p.
- Malinova O.Yu. The concept of ideology in contemporary political studies. *Political science (RU)*. 2003, N 4, P. 8–31 (In Russ.).
- Malinova O.Yu. On some methodological problems involved in a work with the concept “Ideology”. *Voprosy filosofii*. 2023, N 2, P. 5–9 (In Russ.).
- Sartori G. Politics, ideology, and belief systems. *The American political science review*. 1969, Vol. 63, N 2, P. 398–411.

- Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values. In: Zanna M.P. *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press, 1992, Vol. 25, P. 1–65.
- Schwartz S.H. Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of social issues*. 1994, Vol. 50, N 1, P. 19–45.
- Schwartz S.H., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. A refined theory of basic individual values: application in Russia. *Psychology. Journal of the Higher school of economics*. 2012, Vol. 9, N 1, P. 43–70. (In Russ.)
- Sears D.O., Brown C. Childhood and adult political development. In: Huddy L., Sears D.O., Levy J.S., Jerit J. *The Oxford handbook of political psychology*. New York: Oxford university press, 2023, P. 65–108.
- Selezneva A.V. Value foundations of political ideologies: Political-psychological analysis. *Political science (RU)*. 2017, Special issue, P. 365–380. (In Russ.)
- Selezneva A.V. Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science*. 2019, Vol. 49, P. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18> (In Russ.)
- Shestopal E.B. Request for change: an attempt at a political-psychological interpretation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022, Vol. 13, N 2S, P. 103–114. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.819> (In Russ.)
- Swedlow B. Beyond liberal and conservative: Two-dimensional conceptions of ideology and the structure of political attitudes and values. *Journal of political ideologies*. 2008, Vol. 13, N 2, P. 157–180.
- Thompson J.B. *Ideology and modern culture. Critical social theory in the era of mass communication*. Oxford: Polity press, 1990, 372 p.
- Truscheva A.A. Conservative values of Russian citizens and members of the United Russia party: political and cultural analysis. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2017, 227 p. (In Russ.)
- Van Der Brug W., Van Spanje J. Immigration, Europe and the new cultural dimension. *European political research*. 2009, Vol. 48, N 3, P. 309–334.
- Van Dijk T.A. *Ideology: A multidisciplinary approach*. London: Sage, 1998, 360 p.
- Yeung E.S.F., Quek K. Self-reported political ideology. *Political science research and methods*. 2025, Vol. 13, N 2, P. 412–433. DOI: <https://doi.org/10.1017/psrm.2024.2>
- Zhigadlo K.V. The problem of the left-right divide in modern Russia through the lens of social constructivism. *RUDN Journal of political science*. 2023, Vol. 25, N 2, P. 423–433. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-423-433> (In Russ.)
- Zmigrod L. A psychology of ideology: Unpacking the psychological structure of ideological thinking. *Perspectives on psychological science*. 2022, Vol. 17, N 4, P. 1072–1092.

Литература на русском языке

- Аль-Дайни М.А. Манипулятивные идеологии: методологические и политологические аспекты проблемы // Вестник МГУ. Сер. 12. Политология. – 2009. – № 2. – С. 110–116.

- Атнашев Т. После прогресса. Как понимать политический спектр «лево – право» в эпоху контингентности // Неприкосновенный запас. – 2022. – № 2 (142). – С. 69–107.
- Блинов В.В. Политико-психологический подход к изучению консерватизма: обоснование и структура анализа // Вестник МГУ. Сер. 12. Политология. – 2007. – № 1. – С. 106–116.
- Блинов В.В. Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 153–159.
- Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. – 2003. – № 4. – С. 8–31.
- Малинова О.Ю. О методологических трудностях работы с понятием «идеология» // Вопросы философии. – 2023. – № 2. – С. 5–9.
- Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть 1. Определение, методы измерения и проблемы изучения // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41, № 5. – С. 18–24. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920011076-9>
- Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть II. Предикторы и последствия политических взглядов // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42, № 1. – С. 46–55. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920012575-8>
- Жигадло К.В. Проблема размежевания на левых и правых в современной России через призму социального конструктивизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 423–433. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-423-433>
- Селезнева А.В. Ценностные основания политических идеологий: Политико-психологический анализ // Политическая наука. – 2017. – Специальный номер. – С. 365–384.
- Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 49. – С. 177–192. – DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Трущева А.А. Консервативные ценности российских граждан и членов партии «Единая Россия»: политико-культурный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2017. – 227 с.
- Черданцева А.М. Политические ценности современных политических партий России и Германии: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2015. – 171 с.
- Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 1. – С. 43–70.
- Шестопал Е. Б. Запрос на перемены: попытка политико-психологической интерпретации // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 2S. – С. 103–114. – DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.819>